

Пять строк, десять слов

Александр Рябцев

1.

Мы возвращаемся к Фестскому диску – знаменитому памятнику письменности древнейшей европейской цивилизации, условно называемой «минойской». Первое его появление было связано с использованием ПК и методов логического программирования для дешифровки (точнее, транслитерации) текстов неизвестной письменности, осуществленной в 2005 г. Полученный в итоге транслитерированный текст охватывал 80% всего текста, что позволило достаточно уверенно читать, но не понимать его. Дело в том, что транслитерация была основана на отождествлении имен собственных (личных), а они легко заимствуются из других языков, часто не родственных заимствующему.

В дальнейшем язык Фестского диска был опознан как родственный финно-угорским языкам (уральская семья), и к этой гипотезе вычислительная техника уже не имела отношения. Но не потому, что это невозможно в принципе, а потому лишь, что соответствующее ПО отсутствует (у автора, во всяком случае); кроме того, ресурсов ПК для работы с ним было бы явно недостаточно. Для IBM Watson здесь открылось бы настоящее поле чудес, но, по данным московского представительства, его обучают играм типа «поле чудес».

Следующий этап работы с текстом – выяснение его структуры; речь идет о метрических характеристиках в смысле стихосложения. Такая работа предполагает текст транслитерированный, но необязательно переведенный и понятый (истолкованный). Она вполне по силам ПК, но опять все упирается в ПО и, что еще хуже, в неразработанность формальной теории.

Завершающий этап – перевод или истолкование текста – на первый взгляд кажется делом, доступным исключительно Homo sapiens. Разумеется, речь не идет о переводе с известного языка на известный, для чего существует множество программ, мало на что пригодных без Homo redactor. Тем более необходима направляющая деятельность человека при толковании текста на почти неизвестном языке. По собственному опыту могу сказать, что порой создается ощущение нехватки человеческой памяти и скорости доступа к ней; ПК в роли записной книжки здесь помогает лишь отчасти, так как за время записи легко может забыться еще не записанный факт.

Реальную помощь на данном этапе оказал бы некий гибрид СУБД и ИИ, работающий с БД образов фактов в источниках – исторических, литературных и т.д. Фактически таким гибридом является Пролог-система, а БД можно было бы создать автоматически, если все необходимые источники представлены в цифровой форме. Подобная система уже использовалась на первом этапе транслитерации – разница в том, что ее элементами были не образы фактов, а слова (последовательности знаков), т.е. объекты существенно более простые и относительно немногочисленные.

Взвесив все за и против, автор решил вместо создания ИИ воспользоваться собственным ЕИ; результаты этого процесса излагаются ниже. Ввиду неявки одной из сторон процесса в выигрыше автоматически оказывается другая, которая, тем не менее, сожалеет об

отсутствии конкуренции со стороны ИИ. Почти несомненно, что при участии этой стороны мы могли бы узнать много такого, что в голове не складывается или даже не укладывается. Впрочем, и то, что достигнуто, укладывается не во все головы; поэтому важно иметь в виду следующее:

- а) вероятность того, что принятая система транслитераций случайна, равна 10^{-6} ;
- б) в этой системе сохранены все транслитерации, полученные на ПК в 2005 г.;
- в) имя Suedu, которое играет центральную роль в истолковании Фестского диска, – результат транслитерации, никак на нее не влиявший (имя отсутствует в критской линейной письменности);
- г) согласующиеся данные лингвистики, мифологии и археологии для этих областей эквивалентны доказательству.

2.

В статье «В гостях у Минотавра» (PC Magazine/RE, 1/2010), освещавшей итоги интерпретации Фестского диска к концу 2009 г., был сделан вывод о стихотворной форме его текста, восьмисложной в большей части. На этом выводе основана гипотеза о родстве минойского с финно-угорскими языками, или «индоуральская гипотеза», оказавшаяся ключом к пониманию текста. Вместе это позволило выяснить структуру текста: 28 строк образуют 5 строф, имеющих от 3 до 7 строк, которые состоят из двух или трех слов («Минойская Калевала», PC Magazine/RE, 4/2010). Там же был дан перевод четвертой строфы;

Хотя результаты в таких случаях удобно излагать в обратном направлении – от заключений к предпосылкам, начнем с замечаний, очевидных без перевода и даже без прочтения текста диска.

Все собственные имена диска начинаются нефонетическим знаком 02 «голова с гребнем» (детерминатив); в транслитерации они начинаются заглавной буквой. За знаком 02 может следовать знак 12 – также нефонетический детерминатив. У некоторых имен знака 12 нет – это, очевидно, личные имена; в остальных полях диска (без 02) он появляется только последним.

Самый вид знака – «жернов с шестью ручками» – мне показывает его функцию умножения значения предшествующего знака: если этот знак – фонетический, то слог удлиняется, причем не обязательно за счет своего гласного. Если предшествующий знак – детерминатив 02, то определяемое имя – собирательное: родовое, племенное и т.д., подобное древнерусским *Лопь*, *Сумь*, *Югра* («Югра же людье есть языкъ немъ»). Видимой связи с грамматической категорией числа и особым морфологическим строением при этом нет; в транслитерации такие имена я выделяю жирным шрифтом.

Косая черта представляет реальный знак на диске («шип»), который я понимаю как знак носового произношения слога; подобную роль в санскрите выполняет «анусвара», в латинской письменности – конечное -m.

Текущая цель – истолковать вторую строфу диска (поля A11–A24):

du-ba-na-ko **Ka-do-wo** ne-ju
E-so-u-do-we ku-du/ **Mi-ru**/
E-e-ro-pa-jo si-do **Mi-ru**/
E-so-u-do-we ku-du/ **Mi-ru**/
E-ri-ka-we-e o-we-te-sa

Средняя строка второй строфы в моих сетевых заметках была названа «Осью Европы», и последовавшее выяснение структуры текста показало правомерность такого названия. Нашлись и неожиданные аналогии: Ж. Дюшемен, рассматривая у басков «танец улитки»,

обнаружил в нем связку из трех хореографических элементов, два из которых совершенно симметричны, а измененный третий им аналогичен. Он приводит в пример хоровую лирику Пиндара и Вакхилида, где стихи имеют ту же трехчастную структуру. Реплики хора в древнегреческих трагедиях также обычно состоят из трех строк.

Имя **Ka-do-wo** (фонетически – два слога: Kadwo) в свое время сыграло особую роль в транслитерации текста диска и его истолковании: сначала оно было сопоставлено с греческим *Καδμ*, затем с финским и эстонским *Калева*. Минойское *d* здесь нормально представлено финским *l*, а чередование *w:t* связано с сильной и слабой ступенями в уральских языках. Уральский ключ позволяет прочесть и истолковать всю строфу; если стремиться к сохранению размера, перевести ее можно так:

dubanako	Kadwo	neju	скал хозяйка, Кальвы дева –
Esoudowe	kudu/	Miru/	Средиводной род Высоких.
Eeropajo	sido	Miru/	Краеземный мост Высоких,
Esoudowe	kudu/	Miru/	Средиводной род Высоких –
Erikarwe	owetesa		Разнородных притяженье.

Истолкования многих слов находятся в сетевых заметках; здесь они дополняются.

1. dubanako – сложение duban, род. падеж от *duba ‘скала у воды, прибрежная скала’ и akko (саам. -акка ‘хозяйка’, санскр. akkā ‘мама’, лат. Асса, греч. Ακκό); впрочем, не исключена и суффиксальная природа -ако. Первая основа восстанавливается по цепи топонимов, которая ведет от Финляндии к древнему критскому городу на холме Lambe (Ларра, ныне Arguropoli; Стефан Византийский указывал, что это имя писалось также с удвоением букв a, b, e – верный признак иноязычного происхождения, одновременно напоминающий финскую орфографию). Заметные звенья топонимической цепи – большие озера Лубан на Пелбалгских высотах и Лубанское (Mare Lubanicum на старых картах).

2. kudu (фин. kylä ‘селение’, санскр. kula ‘участок земли, хозяйство, род’) – слово сохранилось в названии Кудумского монастыря на востоке Крита.

3. miru – имеет множество нарицательных соответствий в языках балто-балканского коридора; фонетически ближе алб. i mirë ‘хороший’ и рум. miru ‘жених, суженый’.

4. sido – исходное значение связывается с саамскими культовыми *сейдами*, затем др.-ирл. sidh ‘священный холм’, санскр. siddhi ‘сверхъестественные силы’; цепь топонимов соединяет кольское Сейд-озеро, гору Saidēnē в греческой Элиде и Сидон (ныне Сайда) с древним искусственным молотом при входе в гавань. Связь с фин. sidos, side ‘завязка, скрепление’ осложняется конкуренцией других слов, в том числе финских.

5. Erikarwe (фин. erikarvainen ‘разношерстный, разномастный’; написание **E-ri-ka-we-e** показывает, вероятно, пример удлинения последнего слога за счет сочетания сонантов r-w) – имя собственное крито-микенской таблички. Этническая разнородность древнего Крита видна из знаков 02, 03 Фестского диска; Гомер говорит о «перемешанных языках» и перечисляет уже пять племен; по Диодору, «четвертый народ, переселившийся на Крит, представлял собой смешение варваров, с течением времени уподобившийся языком тамошним эллинам».

Тесная связь фестских понятий kudu miru (с гармонией гласных финского типа) видна в крито-микенских табличках из имени землевладельца Ku-da-ma-ro (Высокородный?); о том же говорят топонимы *Кудемеры*, *Кудимеры* на финно-угорских землях Чувашии и

Hudimiru в Персидском заливе (времен Ашшурбанипала!). Гомер, кратко описывая население Крита, дает, по-видимому, точный греческий перевод: μεγαλήτορες ‘великие духом, отважные’ («истинные критяне»), за которыми следуют Κύδωνες («кидоны»), созвучные kudu/ («Одиссея» 19:176).

Происхождению и значению имени **Kadwo** посвящено исследование «Северное гнездо», публикуемое на профильном портале, и здесь я использую только его итог: «скал хозяйка, Кальвы дева» принадлежит долихокефальной расе знака 02, условное имя которой – *Кальва*, тотем – тетерев или птица близкого вида (на Крите – красная каменная куропатка *Saccabis rufa*; интересна легенда «мать Каккабы» на сидонских монетах). Эта грацильная раса мало соответствует могучим сынам Калевы – *Kalevan roika* финских рун, но нельзя забывать, во-первых, время, отделяющее их от реальных минойцев, во-вторых, оборот *Kalevan naiset* ‘Калевы женщины’ и, наконец, поразительную стойкость традиции, до нашего времени сохраненную в кокошниках и сороках (нарядные головные уборы финно-угорских и русских женщин).

В сущности, руны не дают почти никаких представлений о самом Калеве, однако существует эстонская параллель, где рядом с его потомком Калевипоэгом фигурирует красавица Илманейтси – «Воздушная дева». Этот образ соответствует первоистоку мироздания, карело-финской богине воздушного пространства Илматар, чье имя неоднократно встречается в посвященных критских надписях в почти неизменной форме: I-DA-MA-TE (в той же эстонской параллели фигурирует и жернов – знак 12?)

Эти символы, или, скорее, философские аллегории, объясняют структуру стороны А Фестского диска: **I-du-we/ di-na/** ‘Воздушное племя’ в самом начале и **Ka-do-wo** пе-ју ‘Кальвы дева’ в начале второй строфы. Намек на подвластность минойцам не только водного («талассократия Миноса»), но и воздушного океана, сохранился в мифах о полетах с Крита (Дедал и Икар; в рационализированном варианте мифа они плывут под парусом).

3.

Сочетание **Kadwo** пе-ју ‘Кальвы дева’ с точностью до грамматического числа соответствует фин. *Kalevan naiset* ‘Калевы женщины’ (Калевала 44:265) – факт тем более удивительный, что этот оборот не взят из народной эпической традиции, а принадлежит составителю «Калевалы» Э. Лённроту. Он же дал имя Лоухи хозяйке Похьолы (эпическая страна, двойственная Калевале): народные руны о Похьоле не знают имени ее властительницы – она всегда лишь «хозяйка Похьолы»; имя Лоухи встречается только в заклинаниях и принадлежит отрицательному женскому персонажу. Так как фин. *louhi* обозначает ‘скала, камень’, то в выражении *Louhi Pohjolan emanto* это слово – эпитет Похьолы ‘Скалистая’, а не имя ее хозяйки (А. Турунен). В таком случае *Louhi Pohjolan emanto* «скальной Похьолы хозяйка» полностью согласуется с *dubanako Kadwo* пе-ју «скал хозяйка, Кальвы дева».

Эта первая строка строфы позволяет заглянуть на греческую мифографическую кухню и объяснить такой ее продукт, как Акалла или Акакаллида. Под данным именем в ней фигурирует дочь Миноса, родившая от бога основателей-эпонимов Кидонии или Милета. При слуховом восприятии незнакомый с языком слушатель мог принять носовые согласные за окончания минойских слов, так как признак назализации действительно отмечает в фестском тексте только конечные слоги. Два носовых согласных (n) первой строки способствуют такому ее разделению, при котором фрагмент *ako kadwo*, не содержащий носовых, воспринимается как единое слово. Услышанное как *akakalwa*, оно

со временем закономерно превратилось в греческое *Akakalla, давшее затем оба имени «дочери Миноса» – в оригинале речь действительно шла о важной женщине с Крита! Звучавшие далее kudu/ mīgu/ правильно разделялись благодаря носовым окончаниям, и могут быть связанными с реальными Кидонией и Милетом не просто фонетически, но и генетически.

4.

Первое слово строфы является не личным именем «Кальвы девы», а ее эпитетом «госпожа скал»; что он подразумевает?

В крито-микенских табличках «госпожа» (ro-ti-ni-ja) – обычный эпитет получательниц даров и приношений: Госпожа коней, хлеба, Госпожа Афина, Госпожа Лабиринта; несомненно, что некоторые из них – прообразы античных богинь Деметры, Афины. Почти для каждого античного божества имелся рассказ о его рождении и даже смерти на Крите – там показывали и дом, где жила мать Зевса Рея (Арея? ср. a-re-ja- в табличках), и могилу самого Зевса. Не случайно античные литераторы закрепили за критянами в образ «лжецов», однако о критском происхождении, например, Гефеста говорит уже его имя Naphaistos (a-ra-i-ti-jo ‘Фестский’).

Так кем была «Средиводная госпожа скал» из рода Кальва? Вряд ли автор Фестского диска имел целью поэтические упражнения в современном стиле, оповещающие, какое небо голубое. Какими скалами владела эта критская Госпожа, и зачем они ей?

Ответ на эти вопросы я нахожу у Флавия Филострата, который пишет о месте Лебена близ Феста, где «малою скалой сдержаны великие волны». Вероятно, от этой скалы порт Лебена и получил свое имя, которое хорошо укладывается в топонимическую цепь из п. 2.1.

Археология показывает, что это место с древности было известно своим целебным источником – он существует и поныне. «И как вся Азия сходится в Пергаме, так и здесь сходится весь Крит, да и многие ливийцы приплывают». По сути, это замечание Филострата – расширенный перевод последней строки второй строфы, раскрывающий ее смысл: в Пергаме находился знаменитый храм Асклепия. В Греции храм Асклепия в Эпидавре находился на небольшом *скалистом* полуострове, соединявшемся с берегом посредством *перешейка*, что сразу возвращает к *sido* из средней строки. Вероятно, выбор такой местности связан с лебенским ландшафтом и с карийцами – догреческими обитателями Эпидавра, которые в греческой мифоистории фигурируют как мореходы Миноса.

Таким образом, «Кальвы дева» владела не скалами, а здравницей, названной именем важной для мореходов скалы. Через много веков здесь почиталась уже Гиги́ея (Hygieia), над источником появился храм Асклепия Лебеной и т.д. – не приходится сомневаться, что минойская Госпожа животворного источника превратилась в греческую богиню здоровья. Не приходится теперь удивляться и тому, что знаменитый Эпименид из Феста прожил, по легендам, от 150 до 300 лет.

5.

Знакомое всем с детства слово «гигиена» происходит от имени греческой богини, однако это имя – негреческое, как, впрочем, и имена почти всех греческих божеств. Безупречная со всех сторон этимология имени Hygieia производит его из индоевропейского сочетания ‘хорошая, добрая жизнь (здоровье)’, которое в греческом должно дать *εὐβία* (такое слово

действительно встречается у Аристотеля и обозначает животных, легко добывающих корм). Следовательно, имя *Nugieia* принадлежало одному из индоевропейских племен, появившихся на Крите до греков – во-первых; во-вторых, этим племенем не были минойцы, говорившие на уральском, но не индоевропейском языке.

Если теперь вернуться к статье «Минойская Калевала», то обнаружится точное минойское соответствие индоевропейскому имени – имя *Su-e-du* в последней строке четвертой строфы (поле B17 диска). Таким образом, обе стороны диска, формально имеющие только одно общее слово, после транслитерации добавили морфологическую пару *Esoudowe* : *esowodu*, и сейчас получают связь семантическую – речь идет Госпоже животворного источника, Хозяйке живой и мертвой воды (лебенская вода – арсенидная), называемой и именами, и эпитетами.

Без натяжек можно считать *Nugieia* переводом минойского *Suedu* на индоевропейский негреческий язык; больше риска в предположении, что минойское слово было без перевода заимствовано греческим языком для обозначения ... греков, то есть *эллинов* (ед. ч. *Ἕλλην*). В этом языке начальные звуки *s-*, *w-* исчезают, оставляя вместо себя «густое придыхание» (передаваемое лат. *h*); удвоенное *λλ* в каком-то диалекте передает минойское *du* перед гласным суффикса – как в **Akakalla*. Со стороны фонетики эта этимология так же правомерна, как и первая; можно даже увидеть ее промежуточную ступень в названии *селлов*, жрецов из Додоны. Античные авторы говорят о старых женщинах этого святилища; происхождение слов «эллины», «селлы» было неизвестно ни в древности, ни в современности. Однако о содержании первого можно судить по тому, что многие авторы называют Миноса эллином.

С большей уверенностью можно говорить о заимствовании минойского *Suedu* этрусским языком, где основы *svel-*, *sval-* значат ‘жил’, ‘здоровствовал’; возможно, и некоторыми индоевропейскими: др.-англ. *swellan* ‘подниматься (об уровне воды)’ и т.д.

Ирония истории состоит в индоуральском происхождении минойского слова: обе его основы известны и индоевропейским, и уральским языкам. Первая (**su*) сохранила свое положительное значение в обеих семьях; вторая приняла в индоевропейских языках – конкретное значение ‘есть, еда’ (**ed-*), а в уральских – ‘жить’ (**elä*; очевидно, уральский менталитет не сводит жизнь к еде). Более того, в некоторых индоевропейских языках известны и соответствующие словосложения со значением ‘приятный’ (изначально – на вкус). Греческий язык, где единое словосложение оказалось отраженным минимум дважды, хорошо показывает разницу между «своим» *ἡδύ* ‘удовольствие, наслаждение’ из индоевропейского и «чужим» *Ἕλλην* из минойского.

6.

Среди множества давних фантазий на тему Фестского диска была и такая: «послание из Атлантиды» (куда ж без нее). С тех пор проблема Атлантиды как литературного явления была решена окончательно (см. Д.В. Панченко. Платон и Атлантида. Л., 1990), а Фестский диск прочитан с помощью ЭВМ, не способной фантазировать (см. ссылки выше). Мнимая проблема оказалась закрытой, по крайней мере, для здравого ума, но именно сейчас появилась поучительная возможность увидеть ее истоки, заглянув еще раз на греческую мифографическую кухню.

Вторая строфа Фестского диска построена так, что **Ееропајо** в ее центре окружено с обеих сторон *Esoudowe* и соединено с ними через *sido*; это напоминает Крит в центре мира, окруженный водами Средиземного моря и незримо соединенный с его берегами. Крито-

минойская картина мироздания у греков подверглась инверсии: весь обитаемый мир (ойкумена) стал круглым островным центром, омываемым рекой Океаном; на другом берегу этой реки располагался потусторонний мир, куда Харон перевозил на лодке умерших.

Действительно, *sido* употреблено в фестском тексте в переносном смысле ‘мост’, и можно увидеть недвусмысленную аналогию с платоновским описанием Атлантиды, окруженной каналом. Его глубина, ширина и длина невероятны, пишет Платон, и уточняет – до 1850 км в длину. Это соответствует средней окружности восточного бассейна Средиземного моря, если рассматривать его как окружающий Крит канал. Кроме того, «кольца воды, огибавшие древний метрополь, снабдили они мостами». Наконец, указание, что царица острова родила Посейдону «пять раз по чете близнецов», можно считать статистическим эхом второй строфы: ее 5 строк содержат 10 различных слов.

У Диодора Сицилийского есть свои варианты Атлантиды, один из которых – Панхею – он заимствует у Евгемера и размещает не на западе, а на востоке, «напротив Аравии» (в Персидском заливе?). В отличие от Платона, он прямо называет критян среди пяти племен острова, причем они сохранили свой язык и были жрецами. «Показывают они и записи о том, начертанные, как говорят, Зевсом в те времена, когда он, пребывая еще среди людей, основал святилище», есть у них и «огромная золотая колонна, на которой начертаны письмена, называемые у египтян священными», т.е. критскими иероглифами. У Платона атлантами управлял «закон, записанный первыми царями на орихалковой стеле, которая стояла в средоточии острова – внутри храма Посейдона».

На Панхее находился Олимп Трифильский (вероятно, аналог горы Атлант), эпитет которого Диодор объясняет тем, что его обитатели принадлежали к трем племенам (филам, *φυλαί*). Деталь отсутствует у Платона, но имеется у Гомера в виде эпитета дорийцев Крита *τριχάϊκες* – этот гапакс часто переводится как «трех родов» и говорит, таким образом, в пользу критского прообраза Панхеи.

Диодор сообщает и другие важные сведения о Панхее: «Рядом же со святилищем бьет из земли источник сладкой воды такой большой, что становится затем судоходной рекой». Вода этой реки, светлая и сладкая, «весьма способствует здоровью пьющих ее, называется же эта река “Вода Солнца”». От истока к храму проложена дорога длиной около 720 м и шириной 30 м, вдоль которой стояли огромные медные котлы на квадратных постаментах. На всем этом пути исток реки взят в роскошное каменное обрамление, и «место это запрещено для всех людей, кроме жрецов».

Если и Атлантида, и Панхея созданы из мифов о чудесных водах – живой и мертвой, отражающих реальный критский источник, то у Платона также должны быть хотя бы их следы. И такие следы есть, достаточно ясные: у горы в центре острова Посейдон «источил из земли два родника – один теплый, а другой холодный – и заставил землю давать разнообразную и достаточную для жизни снедь». Правда, эти родники отличались только температурой, но оба «давали воду в изобилии, и притом удивительную как на вкус, так и по целительной силе; их обвели стенами», т.е. поступили, как в Панхее. Кроме того, панхейскому храму “Воды Солнца” соответствует атлантический храм Посейдона тех же размеров; в реальности – храм Асклепия в Лебене.

Тезис о крито-минойском влиянии на формирование античной мифологии объясняет и название “Вода Солнца” как отражение минойского *Suedu* греческим *Ἥλιος*, параллельным или диалектальным к *Ἑλλάην*. Поскольку родственные греческому названия солнца есть и в других индоевропейских языках, то следует признать раннее

индоевропейское заимствование *swel-, *sāwel- еще из докритского минойского. Отражение минойского *d* через *l* объясняется в этом случае тем, что в индоевропейском уже была форма *swed(u)- ‘сладкий, приятный’, генетически родственная минойскому Suedu или заимствованная ранее (ср. англ. sweet). Удивительно, но Диодор, повторяя традиционную античную этимологию имени Зевса (ложную), объясняет ее тем, что при Зевсе стало «хорошо жить».

7.

Отражение в панхейской “Воде Солнца” реального лебенского источника, как и самого Крита – в Панхее, никем ранее, насколько мне известно, не было замечено. То же можно сказать о другом, не менее важном и интересном отражении – медном котле из геродотовой Скифии. Этот котел емкостью 600 амфор (полусфера такого объема имела бы диаметр около 3 м) находился у какого-то притока Гипаниса в местности, называемой Эксампей или «Священные пути»; однако одноименный источник в этой местности был горьким и делал воду непригодной для питья. Эта местность уже давно отождествлена с притоком Южного Буга, называемым по-русски и по-украински *Мертвовод*, *Мертвые воды* (ниже по течению – *Синие воды*, ныне р. Синюха; турецкое название Ю. Буга означает *Белая вода*).

Всякий раз, когда Геродот не может что-то объяснить, приводится сказка или миф. В данном случае царь Ариант, желая пересчитать скифов, велит всем принести по наконечнику стрелы, из которых затем и отливается медный котел. Однако археология показывает, что скифские наконечники из меди не делались. Среди скифских царей у Геродота отсутствует Ариант, но есть персидский сатрап Ариант; оба имени напоминают критскую царевну Ариадну, кстати, отсутствующую в «Истории». При этом скифы и индийцы (т.е. арии) названы Диодором среди племен Панхеи, а другие авторы прямо называют Ариадну индианкой.

Тем не менее, происхождение и назначение котла можно рационально объяснить с помощью сведений самого Геродота и других мифографов.

Якобы «чрезвычайно горький» вкус воды Эксампея у Геродота – следствие перевода названия со значением ‘Мертвые воды’; в действительности вода этой реки самая обычная и нет ни малейших оснований думать, что до Геродота было иначе. Не случайно он называет Эксампеем местность с одноименным источником – очевидно, что первичным мог быть именно топоним.

До Эксампея Гипанис, по Геродоту, судоходен; выше – нет; следовательно, здесь завершался путь судов, поднимавшихся по реке, и здесь же находился медный котел емкостью в 600 амфор. Отсюда уже ясно, что суда с грузом чудодейственной святой воды шли по «Священному пути», чтобы в конце его наполнить котел; остается лишь вспомнить, что сказочная «мертвая вода» не умерщвляет живое, а оживляет мертвое тело.

Река Мертвовод впадает в Буг около Вознесенска, и именно до этого города Буг судоходен сегодня; вместе с данными Геродота это еще раз подтверждает тождество: устье Мертвовода = Эксампей, и неизменность условий судоходства по Бугу со времен Геродота.

Есть все основания полагать, что начало «Священного пути» – критский порт Лебена, где амфоры наполнялись водой священного источника. Геродот указывает, что ниже Эксампея обитали алазоны (Ἀλαζόνες), в части рукописей – ализоны. Переписчики рукописей могли изменить *алазоны* в *ализоны*, чтобы избежать смешения с греческим ἄλαζών ‘хвостун’, но близкой к исходной надо считать именно «алазоны» – эта форма

еще в середине XIX в. была объяснена А. Хансеном как финно-угорская: ср. фин. *alla*, *alle*, эст. *allas*, венг. *alacsony* ‘ниже’.

Внятные представления об алазонах-ализонах, начиная с гомеровских (г)ализонов («Илиада» II,856), в античности уже отсутствовали; тем любопытнее указание на то, что их имя следует писать с двумя Л. Еще любопытнее неясные слова, почти совпадающие в обеих критских линейных письменностях: *a-re-sa-na* (лин. А), *a-re-sa-ni-e* (лин. В), а также река Алазоний на Южном Кавказе (ныне Алазань).

Следовательно, «Священный путь» по Бугу-Гипанису шел среди родственных критским минойцам племен – вероятно, их предков или потомков. Выше алазонов начиналась земля «скифов-пахарей», в которых многие комментаторы Геродота видят славян; отсюда понятно, что и они знали чудотворную заморскую воду, запечатленную в славянских преданиях.

Связи минойцев с Западным Причерноморьем подтверждает находка в одном праисторическом поселении у Бургаса бруска из обожженной глины с краткой минойской надписью (Болгария, 1954 г.). Как считал Ив. Гъльбов, «он скорее всего свидетельствует о продолжительных, урегулированных отношениях, при которых обе стороны искали прочную основу для своей меновой торговли», но экспорт священной воды нельзя рассматривать как коммерцию. Возможно, загадочно исчезнувший «Владикавказский обломок» был аутентичным изделием из этой же пространственно-временной области. В контексте настоящей статьи исключительно важно совпадение условных дат Бургасского бруска и Фестского диска: третий среднеминойский период MM-III.

8.

Западная Атлантида у Диодора – остров Геспер в озере Тритонида близ горы Атлант. Его населяют амазонки, но не те, к которым привык читатель, а ливийские – «племя этих амазонок начисто исчезло за много поколений до Троянской войны ... а озеро Тритонида, как говорят, в результате землетрясения исчезло: перешеек, обращенный к океану, разрушился и затонул». Общие с Платоном и специфичные черты этого мифа отмечались и ранее, но тогда нельзя было увидеть такую существенную сейчас деталь, как «перешеек» и сравнить ее с фестским *sido*.

Страбон вскользь упоминает в Ливии «какое-то озеро Тритониаду, на котором особенно замечателен островок со святилищем Афродиты» и озеро Гесперид в этой области как существующие (17, 3.20), однако в обоих случаях мы имеем мифы. Появление амазонок у Диодора можно объяснить с помощью критических замечаний Страбона в адрес авторов, исправляющих гомеровских «(г)ализонов» на «амазонов». Однако, сообщая мнение о двух лямбдах в первом слове, Страбон не делает очевидного вывода: «неправильное» М в тексте – это две слившиеся Л. Очевидно, не делает сознательно: Гомер, высший для него авторитет, рассказывает об амазонках, и Страбон просто не может допустить у него тривиальную графическую ошибку; к тому же образ слепого певца Гомера уже давно стал стереотипом.

Нетрудно понять и женский род амазонок, сменивший мужской у «амазонов»: их реальные прообразы – алазоны – не могли не поклоняться Госпоже, снабжавшей их чудесной водой.

Аполлодор, автор «Библиотеки» мифов, дезавуировал своих предшественников и коллег по мифографической кухне: золотые яблоки Гесперид «находились не в Ливии, как утверждают некоторые, а у Атланта, там, где обитают гипербореи». Здесь четко виден

перенос северных легенд на юг, причем вместе с топонимикой: Ливония, страна ливов (латышск. *lībeši*, др.-русск. *либь*, лат. *Livi* у Саксона Грамматика) становится африканской Ливией (*Libya*), а затем – Ливаном (*Libanus*).

Ливан с древности славился как источник ароматической смолы определенных деревьев, получивших от него свое название; смола эта – ладан – и ныне широко используется в культе. Соответственно этому панхеи Диодора обитают также на близлежащем Священном острове (Гиера), где «произрастает такое количество ладана, что его хватило бы для воскурений в честь богов во всем мире»; остается добавить, что территория Ливана в древности называлась «критским югом».

Ливы, исчезнувший на наших глазах финно-угорский народ Прибалтики, был известен своим чародейством, как и другие финны и саамы – не случайно пушкинского Руслана финн оживляет мертвой и живой водой. В 1071 г. один новгородец ходил гадать в Чудь; великий князь Василий Иванович, желая иметь детей от Елены Глинской, искал чародеев «ажь до Корелы»; сам Иван Грозный перед смертью посылал за северными чародеями. Нет ли здесь генетической памяти о чудесном источнике около Феста и его Госпоже, чьи предки когда-то жили на том же Севере?